

Иван МАКАРОВ

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Согласие», «Знамя», «Юность», «Поэзия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Топос» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

ЦАРЬ ГОРОХОВ

Рассказ

Хорошо было жить в детстве.
И в печальной и туманной юности.
В школе. В старших классах.
Только порой и эта жизнь трудной казалась.
От непривычки, наверно.

В 9-м, 10-м классах так хотелось на переменах между уроками курить в туалете, а вместо этого приходилось иногда «дежурить»: торчать на втором этаже, где были младшие классы, и следить, чтоб они не очень поубивались, бегая, а еще лучше – ходили бы чинно по кругу парами. Как пенсионеры.

И торчал бедный акселерат Вася, педагогическими (бедагогическими) способностями не отягощенный, высоко над клубящимися, кружащимися, резвящимися, весело дерущимися, спотыкающимися и падающими мышино-серыми школьными форменными костюмами и разгоряченными лицами первоклассников, не умея с ними справиться и совладать. И даже не думая выстроить парами. И как же они страшно все шумели! Беспомощно стоял над ними Вася и думал свои грустные думы...

А мысли иногда приходили странные: совершенно никчемушные и ненужные. Вася с высоты своего роста и возраста смотрел на младших школьников и представлял, что и кто из кого вырастет.

Да нет, не представлял, он это ясно видел. Он не хотел этого, не придумывал, это само получалось. Они просто оживали перед ним в своем недалеком будущем и во взрослом виде. Он так ясно представлял это, что самому страшновато становилось.

Вася не угадывал, не умом сознавал, он видел их живых, какими они станут через относительно недолгое время. Когда вырастут.

Этот, толстый с большими щеками и хищной улыбкой, будет (Вася не сомневался, точнее быть не могло) директором, все равно чего, но непременно директором – и хитрости, и наглости довольно, а совести совсем нет... Будет носить костюм и широкий галстук... Вася чувствовал даже, как трудно было бы ему, простому, в сущности, человеку, с ним, таким важным, разговаривать, как он будет неприятен ему, когда вырастет...

Этот, полный и темненький, непременно и, похоже, по следам родителей станет завбазой или завскладом, во всяком случае, не последним человеком в торговле или снабжении...

А этот – совсем уже очевидный будущий партийный бонза, партайгеноссе и вообще... Он и теперь уже совершенный секретарь райкома, только маленький...

Этот за границу поедет. Нет, не в эмиграцию, конечно. В посольство. Дипломатом... Будет, пользуясь иммунитетом, шмотки из-за кордона таскать...

А этот простоват: так и останется навсегда честным пролетарием и, может быть, героически умрет под забором... И этот тоже... И этот... Жалко, если совсем напрасно погибнет... Такой добродушный...

Ни одного музыканта или художника не наблюдалось среди такого множества малолетних человеческих лиц... И ни одного летчика или геолога. Ни учителя, ни врача...

Потом уже Вася догадается: те, которые могли бы вырасти в летчиков и врачей, представлялись честными пролетариями или даже погибшими в подзаборной...

Школа была новая, окна в ней большие, но это не радовало, потому что ничего нового или примечательного в них видно не было.

Потолок подпирали две квадратные колонны, двери в классы были обыкновенные...

Не на чем было остановить взгляд, задержать внимание...

Только эти первоклассники, клубящиеся, вертящиеся, смеющиеся и дерущиеся, но и они мелькали так шумно и быстро, что все смешивались в один ненужный ком...

2.

Годы пролетели, прошли, прозвякали.

Эпохи сменились. Новые эры настали.

Что-то из общественных бурь и потрясений удалось, конечно, проспять, проспять и пропьянствовать, сделать вид, что не заметил, но оттого многие новые условия и несообразности жизни показались или оказались еще неожиданной. Мучительней и смешней.

Много-много воды утекло. Кое-что даже и под лежащий камень попало...

Подорожало метро. Подорожал хлеб. Вино, табак и так далее. И вообще все подорожало и стало дорожать уже непрерывно, так что к этому стали почти привыкать.

Да и не только в этом дело.

Стало доходить до того, что многие люди стали как бы немного портиться. И не любить друг друга. Подозрительно относиться.

Как будто все друг от друга ушли, и нередко, увы, по причине одной только бедности и сопутствующих ей бед...

Так разошлись, что уже не собраться, а если сходимся, то большей частью для взаимного неудовольствия и злословия...

И вождельной свободы как-то не получилось.

То есть, с одной стороны, свободы вроде бы стало немного больше (номинально, по крайней мере), а с другой – гораздо, гораздо меньше...

3.

...Фу, какая мерзкая рожа!

И, кажется, я где-то видел ее.

Хотя где и с какой стати? Бред. Нигде я не мог ее видеть.

А мерзкая рожа улыбалась со всевозможной приятностью:

– Что вы? Вы ошибаетесь... Не было при вас никаких денег... И телефона не было. Вот посмотрите, все записано: ботинки, носовой платок, рубашка (грязная)... Книги, 3 штуки: Я. Полонский, «на иностранном языке» и «церковная»... Все. Больше ничего нет. Наверно, раньше где-то потеряли...

Жизнерадостная рожа была в капитанском милицейском кителе и фуражке.

– Вот здесь распишитесь, и вы свободны, гражданин Горохов.

...И все же знакомая рожа...

Веселая летняя улица цвела и благоухала. Деревья и тени от них... Липы, клены, трава... Птицы и бабочки...

...А все же хорошо еще, что на дворе лето. И дождя, кажется, не ожидается.

4.

Еще почти не начало темнеть.

Василий шел возле университета на Ленинских Воробьевых горах. Башня, клубная часть. Памятник. И человек на памятнике показался вроде знакомым. Не как тот великий ученый и поэт, который «песчинка как в морских волнах», которому памятник, а просто, как теперь говорят, «по жизни». Где-то он его видел? Где?

Василий шел дальше. Химфак, биофак. Длинная оранжерея.

Еще памятник... Махатма Ганди.

С виду – черт чертом, и к тому же с палкой, а ведь на самом деле неплохой был вроде мужик, только худой очень.

И непонятно почему, тоже как будто знакомый...

Миша Захаров?

Что-то общее есть. Хотя Миша вовсе никакой не индус и не индуист, а наоборот, почему-то стал вдруг убежденным католиком, хотя раньше православным был, ходит теперь в костел Непорочного Зачатия, что на Грузинской улице, и Горохова несколько раз туда звал...

Нет, не Миша, конечно. Просто похож.

Вася шел дальше. Мимо широких витрин, к Мосфильмовской.

Неожиданно асфальт поднялся и двинулся ему навстречу.

5.

It was... It was... Не знаю, как дальше сказать не по-нашему. А по-нашему тем более не знаю, как сказать...

Было ранее утро. Прекрасное, живое, радостное летнее утро.

И хотя физически и телесно Горохов чувствовал себя хуже, чем кое-как, душа его изо всех своих последних сил «звучала и пела».

Горохов шел от трех вокзалов в направлении Красносельских улиц, строил какие-то мелкие жизнерадостные планы на предстоящий день, но, главное, наслаждался относительным душевным покоем и сладкой погодой. И непонятная ночь прошла, и солнце светило...

Неожиданно путь ему преградили двое. Совершенно неизвестно откуда взявшиеся.

– Слушай, – стал говорить ему один, «кавказской внешности», – тыщу заработать хочешь?

Он выражал свои мысли нескладно, но внятно. Другой, большого роста, явный монголоид, может быть, дунганин или бурят, солидарно молчал.

...Конечно, нет слов, Горохов в тот момент жизни очень хотел заработать тысячу, тысяча ему была в тот момент очень даже необходима. Тем более тысяча была в то время еще совсем не то, что теперь, это были еще довольно-таки большие деньги, а у него денег совсем не было... Но не надо было быть очень умным, чтобы понять, что та тысяча, которую ему предлагали заработать, была совсем не та тысяча, которая была ему нужна.

– Видишь, там, на остановке мужик в белом стоит? Я видел, у него есть деньги. Подойди, скажи ему, что хочешь ему комнату сдать, отведи его за угол, больше ничего не надо, мы все сами сделаем, и тыща твоя, честно... Ты только за угол его уведи.

Горохов, естественно, сказал, что ему это не нужно и тыща не нужна, и что он никуда не пойдет, но человек был настойчив, и с блеском совершенного безумия в глазах, и отвязаться от него было непросто:

– А если нет, не пойдешь, мы тебя самого сейчас здесь кончим... Ну!.. А так: Тысяча!.. Честно, без обмана...

И еще монголоид держал руку так, что, похоже, у него был нож в заднем кармане рыжих штанов...

Не имея с утра особенных сил драться, да еще с двумя, Василий кое-как вырвался от них на средину Краснопрудной улицы и пошел там, посредине, благо, ради раннего часа, машин было совсем мало... Посреди проезжей части все же не станут приставать. Одуревшие венцы творения на проезжую часть, действительно, не пошли, что-то кричали и грозили ему с тротуара.

Прекрасное утро было испорчено. По крайней мере, осквернено.

Похоже, наркоманы, думал Горохов. Совсем без ума... Но этот, кавказец, вернее, скорей полукровка, полукавказец... Я где-то видел его. Совершенно точно, видел... Но где? Когда?

При всем своеобразии его прошлой и нынешней жизни ни при каких обстоятельствах такая колоритная фигура не могла возникнуть в кругу его знакомств.

И все-таки он его где-то видел.

И еще с чувством бессильного негодования на этих людей, испортивших ему такое прекрасное утро, он думал, что, может быть, он неправильно поступил... Надо было подойти к тому типу в белом, вроде чтобы увести его за угол, и предупредить о грозящей опасности...

Хотя реально: могли ли они ему что-нибудь сделать? Едва ли...

Слишком яркое утро и слишком людное место. На широкой улице вблизи трех шумных и как будто хронически не выспавшихся вокзалов... А за угол с ними этот тип в белом не пойдет...

А вообще... Ну их всех совсем! Какое мне до них дело!

И кавказца этого я вспомнить не могу... И видел ли я его вообще когда-нибудь...

6.

С виду мирный, безопасный, не слишком проблемный и очень-очень обыкновенный Горохов имел, однако, как и все мы, грешные, свои тайные недостатки и мелкие слабости.

Например, он любил читать книги по истории и при всякой возможности вспоминать и не то чтоб обдумывать, а скорее, переживать прочитанное и даже воображать себя участником событий.

Начиная с пунических войн и до... А неизвестно, до чего... Никакие войны у нас не кончаются, ни пунические, ни героические...

А история – материя тонкая и неоднозначная.

Особенно учитывая, что хотя у Горохова была когда-то не плохая память вообще, но очень плохая на даты, а с возрастом постепенно и на имена...

Так что представления об истории у него выходили порой весьма несвязные и несообразные.

Тем более что эта самая история, даже если она и не очень длинная, другой раз так разветвляется и перепутывается, то и дело на всякий вкус разнообразно пересказывается, что никакой памяти не хватит...

Однажды сын, когда он пытался убедить его хоть немного учиться, и истории в том числе, сказал ему следующее:

– Да, я согласен (вроде уговорил), история – это очень интересно, но зачем она вообще-то нужна? Какая от нее польза? Какой смысл? Ведь это все прошло и уже никогда не будет. Зачем ее изучать?

И ничего существенного Горохов ему на это ответить не мог.

«Чтобы быть человеком, а не животным... Чтоб себя уважать и хотя бы попытаться понять... Что история повторяется...» – все это были бы правильные, но все-таки слова. Ничего «реального» они не содержали.

Но вот теперь для нее, для истории, стало явно обнаруживаться некоторое понятное практическое применение: для утешения. Для понимания, что переживаемое в настоящий момент не есть самое худшее, что в истории человечества бывало. Всякое бывало. И хуже тоже.

7.

...Однажды, правда, ему все же удалось объяснить другому человеку, зачем нужна историческая наука...

К нему пристал с этой проблемой один знакомый азербайджанец, неторопливый и обстоятельный человек:

– Ну, а в государственном масштабе история зачем нужна?

– Ну, это очень просто... Ты, например, утром встал и забыл, как штаны надевать. Ну, и пошел по улице со штанами на голове...

– Нет, а в государственном масштабе?..

– А в государственном тем более... Представляешь: вся страна со штанами на голове...

8.

Дмитрий Шишкин (Дима) страшно боялся всяких сложных инструментов, машин, приспособлений, техники и т. п.

Все, что возможно, даже тяжелое, он старался грузить вручную, толстые доски пилил ручной ножовкой и т. д... Нет, не подумайте ничего такого... Конечно, он все умел. И более того, он когда-то в техникуме учился. И не маниакально-идейное это у него было. Он не самой техники боялся. Он боялся, что она сломается вовремя его работы, и у него из зарплаты вычтут.

Вася Горохов познакомился с ним, когда поступил поработать в сестричество во имя Св. Игнатия Ставропольского, в Марьиной роще рабочим – «конюхом, поваром и плотником».

Нет не поваром, конечно, поваров (поварих) там без него хватало. И готовили они все более чем очень хорошо. И не конюхом. Лошадей в сестричестве не было. Так что был он там просто рабочим.

Дмитрия Шишкина мама в детстве назвала Эдуардом (Эдиком), и вначале это ему даже нравилось...

А как мать с ним поступила, ему не нравилось.

Когда она его родила, ей совершенно некуда было его девать, и неизвестно было, что с ним делать...

Он рос и воспитывался то в одном, то в другом интернате в разных концах нашей родной и необъятной, где-то крестился с именем Дмитрий (кажется, в честь Дмитрия Солунского), тогда-то ему и разонравилось его первоначальное имя Эдуард, «потому что оно “неправославное”».

В довершение всех радостей он оказался без жилья и мотался где попало, не опускаясь, впрочем, до совершенного бездомничания.

Эта беда в конце концов и привела его в сестричество.

А там все особенно располагало к осторожному обращению с инструментом: штрафовали за все и вся.

Трапезную в сестричестве украшало множество плакатов и плакатиков с цитатами и изречениями Св. отцов, а так же ныне здравствующих церковных писателей и подвижников. Один плакатик особенно вдохновлял, утешал и радовал. И здравостью мысли, и ясностью, и красотой и лаконичностью слога:

«ЗАПРЕЩАЕТСЯ ЗАПРЕЩАТЬ»

Подписано было: Игумен Сергей (настоятель храма, духовник сестричества).

И словно в тон ему по всем зданиям и помещениям сестричества, доступным простым смертным, рабочим и прочим (в остальных Горохов не был, но, видимо, и там тоже), были расклеены объявления на разные темы, но с неизменным началом:

«ЗАПРЕЩАЕТСЯ...»

«Запрещается оставлять открытой данную дверь. Штраф 100 рублей»

«Запрещается» еще чего-то, не помню чего и сколько штраф, но с прибавлением: «В случае обнаружения виновного штрафуются весь персонал...»

«Запрещается включать в сеть две ванны (для плавления воска) одновременно. Штраф 500 рублей»

Зачем это-то? Не проще ли, наивно думал Вася, написать, что от перегруза сети может выбить предохранители? И три восклицательных знака поставить... И никто не станет одновременно включать... Зачем?

А этот Дима, который раньше был Эдуардом, перед поступлением в сестричество около года провел в одном из монастырей на Волге. В Сызрани, кажется. И там он научился многим вещам и шуткам, в том числе и не совсем хорошим. И за одну шутку Горохов однажды чуть его не убил.

Он шел, таща газовый баллон. Пустой, правда, но все равно, тяжелый. На пути его встретился Дима и диким голосом закричал ему: «Осторожней!»

Вася испугался, остановился, едва не выронил баллон, едва сам не упал с ним вместе, поскользнувшись на мокрой доске.

– Что такое?

– Осторожней, – уже спокойней и радостно улыбаясь объяснил Дима, – нимбом за угол не зацепись...

(Это, если кто не понял, такая идиотская монастырская шутка, означающая в данном случае, что он, Василий Горохов, мыслит себя настолько святым, что предполагает у себя над головой сияние.)

И несколько минут спустя, уже успокоившись, Горохов понял, что в порыве безумного, дикого гнева, охватившего его, действительно готов был убить Диму. Просто поднять с земли железную арматуру и ударить по голове. Ему стало страшно.

Господи, помилуй! Дима, конечно, дурак, но я-то, выходит, еще глупей, если так на дурака рассердился...

Дима в Сызрани жил... То есть монастырь, в котором он жил, находился в Сызрани...

Горохову почему-то вдруг очень захотелось поехать в Сызрань. Во-первых, Волга... Во-вторых, просто интересно...

Я ведь ничего не знаю об этом городе... Знаю только, что это на Волге... Знаю, что при предыдущей советской власти там был единственный (или самый главный) в Союзе сажевый завод.

Жгли газ: получали сажу. Ценный продукт. Официально называется «техуглерод»... Может, завод и до сих пор есть... Работает... Сажу делает... Техуглерод... Ничего не известно...

Марьяна Роща, сестричество...

Что-то там еще запрещается.

Горохов хотел было вспомнить, что именно, не смог и лег спать.

Горохов работал в сестричестве... В должности рабочего. Вроде уже не привыкать, и все же...

Осень. Погода мокрая и холодная, работа не очень легкая. Канаву копали. Почва городская, столичная: кирпичи, камни.

А после обеда пришла сестра Лена, по одной ей ведомым признакам определила его как не самого прожорливого из рабочих, поговорила с прорабом, и Васю поставили временно на другой участок. Всего-то надо было разгрузить из машины шоколад в коробках, поднять по лестнице и там разложить в шкафы на полки согласно надписям на полках. Что же, шоколад так шоколад...

Приехал автомобиль, стал к двери задом. Вася стал вынимать шоколад и носить наверх. Тоже оказалось не совсем ладно. По лестнице ходить жарко, внизу у машины ветер пронзительный... Нет в мире совершенства! Ну, да ладно...

А когда раскладывал шоколад, я на одной полке прочитал: «Святитель Пантелеймон с орехами»...

«Святитель Пантелеймон с орехами»... Это, оказывается, шоколад такой.

9.

Изо всех наших болезненных подорожаний минувших эпох для многих людей особенно болезненно оказалось подорожание транспорта. Общественного, городского. На несколько порядков.

При этом некоторые люди умели преодолевать турникеты метрополитена без билета, а другие не очень.

Естественно, страшные цены на проезд болезненно обсуждалась.

Говорили об этом и в курилке на складе печатной продукции возле станции Тестовской (Горохов и там успел поработать).

Говорили, впрочем, все одно: раньше было дешево, хорошо. Теперь стало плохо, дорого...

Полтора десятка мужиков, комплектовщиков в грязноватой одежде, сидели за одним большим столом, накрытым газетами с кроссвордами: больше на всем огромном складе никакого хотя бы относительно отапливаемого помещения не было.

Сам не зная зачем, от холода, может быть, Горохов встрял в единодушный хор про дороговизну проезда и про безбилетный проезд в транспорте:

– А когда-то и в метро контролеры ходили. По вагонам. Билеты проверяли.

Ему не поверили.

– В самом деле. Было такое. Это когда первую линию пустили: от Сокольников до Парка... В тридцать каком-то году. И многие просто так, не выходя, туда-сюда катались, им нравилось под землей проезжать, и по вагонам ходили контролеры, проверяли билеты: в ту ли сторону у проезжающих билет...

– А ты откуда знаешь? Сам видел? Тебе лет-то сколько?

– Да нет. Сам, конечно, не видел. Рассказывали.

– А... Рассказывали...

10.

Тесный зал автовокзала,
Обезьяна убежала. –

От беспомощности ожидания Горохов сочинял в голове стихи:

Тесный зал автовокзала,

Обезьяна убежала...

В автовокзале было темновато, пасмурно, как в ноябре. Вроде и ламп было немало, но плафоны были немывые, пыльные. И окна тусклые, и стены пыльные.

Это, вероятно, от того, что жизнь там происходит круглосуточно, и останавливаться на помывку некогда.

«Да приходи уж ты, наконец, подонок! Сколько можно ждать?» – бормотал про себя Горохов.

«Подонок» не приходил. По залу, по площади, по асфальту проходили другие, ненужные, непонятные люди с сумками, с телефонами или просто так. У некоторых женщин даже были красивые лица. А некоторые даже и просто были красивые. Но все они были не нужны теперь, он не их ждал, и поэтому они раздражали. Зачем они здесь? Непонятно было. Нужен был один человек. Этот самый «подонок», который не приходил...

Что-то случилось в мире. Все вдруг сразу сошли с ума. И Горохов как будто тоже сошел с ума.

Он поступил на работу в сыскное агентство.

Как, собственно, это вышло, Горохов и сам не особенно понял. Весело и чуть-чуть пьяно он спускался однажды по лестнице к набережной между стадионом и вокзалом и неожиданно встретил свою одноклассницу Аллу Давыдову. Выглядела она превосходно. Горохову обрадовалась, и они довольно долго гуляли по улицам.

Беспечная Алла щебетала без умолку и, казалось, была занята только собой одной и своей прекрасностью, однако, как-то незаметно она успела о многом расспросить Горохова, про его жизнь, про его совсем незавидное полубезработное состояние и трудности привыкания к «новому времени», хотя он изо всех сил старался не жаловаться.

Он проводил ее до дому, у подъезда поцеловал в щеку, а на другой день она позвонила ему по телефону и не допускающим возражения тоном пригласила в галерею «Караван» на открытие выставки каких-то никому не ведомых молодых художников, мужа и жены Придворных.

Придав себе, сколько это было возможно, разбойный и донжуанский вид (мятая рубашка, серая панама), Горохов явился.

Молодые художники оказались почему-то если и молоды, то больше душой, и произведения их были немного слишком абстрактные...

Осмотр картинок, необходимые вздохи и ахи прошли довольно быстро, и народ потянулся к фуршету.

Как и все, с одноразовым стаканчиком в руке, Алла подошла и крепко взяла Горохова под руку.

Горохов не удивился. Он давно уже привык, что во время фуршетов и тому подобных мероприятий знакомые дамы часто особенно опекали его, чтобы он не злоупотребил себе во вред, но у Аллы на уме было другое:

- Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком.
- А он кто?
- Так. Добрый знакомый один. Он хочет тебе предложить работу.
- Какую?
- Он сам скажет.

Доброго знакомого звали Олег. Он был настоящий денди в модном пиджаке и с оранжевым галстуком:

– Очень приятно, Олег Игоревич. Лучше просто: Олег. Мне Алла о вас рассказывала...

Горохов вежливо поклонился.

– Давайте присядем... Как вам это нравится? – Он кивнул на выставку и на картины.

Честный, но вежливый Горохов ответил неопределенным жестом:

– Вино хорошее... Венгерское.

– Да, правда. Не знаю только, очень ли хорошо, что оно нам очень нравится... Но дело не в этом... Мне Алла о вас много рассказывала, и много хорошего в том числе, и я хочу предложить вам работу в моем агентстве... Нет, не совсем журналистом. У меня сыскное агентство. Только не пугайтесь раньше времени. Никакого свинства я вам не предлагаю. За всякие гадости я и сам не берусь. Можете верить или нет, но я стараюсь просто по-честному помогать людям. Мы здесь все, увы, бываем такие беспомощные... И – оплата приличная...

Вот и стоял теперь Горохов на автовокзале. Ждал «клиента». Вернее, «объекта». Задача была простая. Относительно.

У некоторой очень богатой матери (впрочем, доброй женщины) был сын. Соответственно, тоже богатый и тоже добрый.

Только слишком доверчивый и отчасти безвольный. И его надо было оградить, не допустить слишком сильно растратиться и наделать непомерных долгов.

Недавно он вернулся из-за границы, не то из Турции, не то из Таллинна, и в настоящее время пребывал в своей квартире на Фрунзенской набережной. Звали его Иван Вельяминов.

Так что на автовокзале Горохов, естественно, не его встречал.

На вокзале он ждал другого человека.

Того, который, как ему объяснили, являясь приятелем доброго сына и наследника богатой матери, мог дурно на него повлиять в смысле промотания денег, наделывания долгов и других неприятностей.

Автобусы из Полбино прибывали каждый час, а еще он мог приехать на проходящих, так что совершенно нельзя было угадать, когда этот зловредный человек придет.

Горохов уже устал и ждать перестал.

Просто стоял, стоял, ходил, терпел, страдал, курил белые и невкусные сигареты «Союз-Аполлон».

Почему-то у нас было принято когда-то называть табачные изделия «космическими» именами: «Орбита», «Спутник», «Лайка» (это была такая «космическая» собака), просто «Космос», этот самый «Союз-Аполлон», который и до сих пор остался...

Чтобы как-то успокоить себя и оправдать вынужденное безделье, пытался вспоминать прекрасное из своей прошлой жизни...

Завод в Печатниках, густой черный дым над каждой единицей перерабатывающего оборудования, и под этим дымом работницы в ситцевых халатах, среднюю школу в Мневниках, каникулы в Подмосковье, каникулы в Эстонии и – соответственно: Люду, Лену, Ольгу, другую Лену... Горохов любил влюбляться.

Сколько же было всего прекрасного в его жизни!

Как смею я, думал он, быть неблагодарным...

Ожидаемый появился неожиданно.

Стоял, смотрел по сторонам.

Безусловно, это был он, Григорий Баранов, 1980 года рождения, уроженец города Павлово на Оке.

Точно таким видел его Горохов на фото: небольшой лоб, богатая, выразительная, почти обезьянья мимика, волосы сзади схвачены в косичку...

Он подошел к молодому парню в ветровке и о чем-то спросил. Парень отрицательно покачал головой.

Тогда приехавший обратился к женщине средних лет в бежевой кофте, круглолицей и светловолосой. Она тоже покачала головой отрицательно, что-то сказала в ответ и нетерпеливо махнула рукой.

Горохов два раза глубоко вдохнул и медленно выдохнул, чтобы заставить себя быть внимательным и ничего не пропустить.

А преследуемый Баранов между тем пошел прямо к нему...

От удивления какая-то нехорошая острая неприязнь охватила вдруг Горохова, и когда приехавший к нему обратился, он быстро сказал:

– Нет!

Разумеется, это был плохой, необдуманный поступок.

...Надо было, разумеется, хоть и жалко, хоть и предпоследние, дать ему, как он просил, денег на метро, а заодно, может быть, вместе с ним и поехать, познакомиться, хотя при не особенной разговорчивости и не чрезвычайной общительности Горохова это тоже было не очень просто...

А теперь вот, «условный противник», во-первых, запомнил, может быть, его (демаскировка), а во-вторых, он, возможно, нажил в его лице врага. И не потому даже, что не дал денег, а потому что получилось, что тот напрасно просил... А это очень обижает и озлобливает...

Долговязый, шикарно и надменно одетый юноша дал Баранову на метро.

И какое счастливое было у него при этом лицо! Видно было, как ему радостно было хоть такое маленькое доброе дело сделать, видно, не часто ему это удавалось...

Горохов проследовал за гостем столицы в метро. При этом предполагал, что тот его не заметил.

Перед этим позвонил начальнику, Олегу:

– Вспомнил. Еду. Помню.

На условленном у них языке это значило: «Он (объект) приехал (прибыл). Еду за ним и наблюдаю (веду)».

В метро Горохов преследовал врага, стараясь казаться невидимым.

Впрочем, на переходе в центре он уже и перестал прятаться. Не до того было. Лишь бы не потерять. Горохов стал двигаться суетно, даже иногда толкая людей.

А прибывший Баранов, кажется, ничего не замечал, видно, сильно занятый своими думами.

Как и ожидалось, он вышел на Фрунзенской. Горохов за ним.

Не чуя над собой беды, супостат направился к тому самому дому, где жил Вельяминов.

Он вошел в подъезд, а Горохов остался пока караулить на улице.

Его все-таки смущало то обстоятельство, что еще на автовокзале он успел обнаружить перед «объектом» свой облик, да еще так неблагоприятно: не дал денег.

Он доложил об этом по связи:

– Сам не знаю, как вырвалось, совершенно механически сказал «нет»...

На другом конце провода, то есть не провода, конечно, а мобильной связи, подумали и сказали:

– Ничего страшного. Это даже, может быть, лучше. Теперь главный предмет твоего внимания хозяин квартиры...

Птицы не пели и не свистели.

Дорогая заграничная машина стояла с включенным мотором и выпускала дым.

Как прекрасна жизнь, думал Горохов, и как ужасно мы этого не замечаем, занятые какой-то пустотой и суетой по должности... Да и вообще вся жизнь так... Всегда: то ждем, то догоняем, то преследуем, то убегаем... Третьего не дано.

Час прошел прохладно, нервно, даже немного испуганно. Пришло время действовать.

Горохов набрал номер: «Никто не выходил».

«Давай, – ответили ему, – действуй по плану».

Горохов вздохнул и отправился через квартал в иконно-сувенирно-картинно-антикварную лавку.

Там уже был готов для него сверток: картина.

И с этой картиной Горохов должен был отправиться в квартиру к хорошему человеку для убеждения его от разорительного влияния нехорошего. А для завоевания доверия ему нужно было прийти с этой самой картиной, которую этого самого хорошего человека Ивана Вельяминова заранее по телефону уговорили заказать.

С красивым свертком под мышкой Горохов пошел к подъезду. Нажал номер квартиры:

– А... здравствуйте... Я вам того... Картину привез... Что вы заказывали...

– А, здравствуйте, здравствуйте! Очень хорошо. Открываю. Заходите.

Домофон хищно щелкнул, и Горохов побрел к лифту.

Полноценная картина маслом, заказанная будущим богатым наследником знаменитому Палеогенову, должна была изображать сонм императоров (в изгнании) в шитых золотом мундирах и со шпагами на фоне буйно цветущих подсолнухов: как у Ван-Гога, только цветы поменьше. (За ними в ближайшем будущем должны были последовать такие же полотна с императорскими фамилиями, нашими и не нашими, и др. и пр...)

Хозяин встретил его уже в открытых дверях. Лицо его сияло радостью и любовью.

– Сюда, сюда, в комнату проходите...

Он весь горел желанием скорее увидеть вожаемое полотно, но сдерживал себя: картина должна была быть явлена в обстановке соответствующей торжественности.

От самой прихожей стены квартиры были украшены царскими портретами в рамах, генеалогическими древами, корнями уходящими в самую глубину веков, а веселенькой листвой с золотыми надписями имен в светло-серое настоящее и, кажется, даже дальше.

В гостиной висела над ковром шашка, вроде казацкой, и кремневый пистолет (похоже, не настоящий).

На столе стоял графин и закуска в виде помидоров и колбасы. Под столом – пиво в ящике.

Прибывший из провинции Баранов, уже заметно пьяный, сидел в углу и напряженно смотрел в экран компьютера.

Приглашенный хозяином отвлечься и обратиться к принесенному полотну, он встал и угрюмо застыл в ожидании.

Узнал он меня или не узнал? – думал Горохов, одновременно припоминая монархические обороты речи, причем прежде известное мешалось у него в голове со специально для данного визита наскоро выученным.

Но вот картина была развернута, явлена. Все застыли в изумлении.

Полотно было точно с «монархическим» сюжетом, но совсем не тем, какого ожидали. В антикварной лавке перепутали заказы, не то завернули.

Картина и представляла собой диптих. Левая половина была иллюстрация к произведению Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей», причем царь был в короне и мантии, но с огорченным лицом, а дочери – нагишом. И правая тоже была иллюстрация – к знаменитой анонимной поэме «Екатерина и Орлов»...

– Что? Что это?.. – хозяин выхватил откуда-то японский самурайский меч, и готов был уже поразить Горохова, но приехавший Баранов, упал ему на руку и спас бедного агента.

– Стой! Нельзя! Это провокация! Он за мной с самого автовокзала следит. И на метро денег не дал...

– Какое метро? Какие деньги?.. Ты видишь это, – хозяин кивнул на картину.

– Стой. Подожди. Мы сейчас допросим его, и он сам все расскажет... Все-все расскажет... – Баранов подошел к двери и заслонил ее собой. – Мы узнаем, кто за этим стоит...

Горохов успел, между прочим, в какое-то маленькое-маленькое мгновение подумать, что «стоит-то за этим» не кто иной, как мать хозяина квартиры, и внутри себя улыбнулся...

Но ситуация складывалась критическая.

Трудно сказать, какая сила управляла Гороховым, но он нашел единственный, может быть, спасительный выход.

Он подхватил с дивана кота, а со столика кухонный нож и приставил к горлу бедного животного.

– Ну!..

Так, прикрываясь хвостатым и пушистым заложником, Горохов пробрался к выходу и вылетел вон.

Только на остановке, прыгнув в 28-й троллейбус, он швырнул своим преследователям кота и, нервно дрожа, поехал в сторону центра.

11.

Тако посрамленный Горохов не стал даже и звонить Олегу.

Все. Работа и «карьера» его в сыском агентстве теперь безусловно кончена. Даже почти и не начавшись. И где ж теперь работу искать?

«А впрочем, все равно, отрицательный опыт – тоже опыт... Жаль только, что жизнь коротка... И вообще, что это за работа в сыском агентстве, как-то некрасиво даже... Жаль только, что Алла расстроится...»

Он и телефон не брал. Пил пиво и дрожал от холода.

Иногда на небо глаза поднимал. Как оно темно и пасмурно. Ничего не видеть.

«А ведь за облаками звезды... И я это знаю... Знаю, что там высоко и далеко звезды. Их много – не сосчитать. Я их не вижу, а знаю, что они есть. А облачность и пасмурность это временно. И необходимо: вроде как одеяло... Звезды страшно далеко в небе, а облака, которые их нам закрывают, они совсем рядом, значит, они не звезды от нас закрывают, а нас закрывают от звезд... Чтоб им такого стыда не видеть... Звезды небесные, звезды морские, звезды кремлевские, звезды орденов...»

На другой день Олег все-таки ему дозвонился.

– Вы что? Куда вы пропали? Я уже стал волноваться... Хоть вас самого ищи... Но все равно, поздравляю. Успех! Все даже лучше вышло, чем мы планировали...

– Да я ошибся, что-то перепутал... И картина оказалась не та... Это уж я не знаю, как получилось...

– Да, вы что! Все замечательно. Все как нельзя лучше получилось. Все просто великолепно. Когда они за вами на проспект выскочили, «догнать и отмстить», на господина Вельяминова вроде как озарение нашло, и гражданина Баранова он теперь не то что видеть не захочет, а как бы наоборот: теперь этому самому Гришке Баранову лучше ему на глаза не попадаться... Из соображений безопасности... Он для него теперь хуже Гришки Отрепьева, самый главный шпион, враг и провокатор... К слову сказать, так оно и есть... Кстати, кажется, его мама имеет намерение лично от себе выдать вам отдельно персональную премию... Так что, если можете, приезжайте в офис сегодня, хотя бы к вечеру. Отметим успех. И заодно обсудим новую операцию...

И как это могло получиться? – думал Горохов. – Вместо того чтоб разъединить их, я их, кажется, должен был объединить... Хотя бы в нелюбви ко мне... Что ж там такое случилось?

После обеда он поехал в офис...

Оказывается, выбегая догонять Горохова, гость из провинции успел прихватить с собой бутылку коньяку.

А когда троллейбус увез Горохова, остановить машину для преследования они сразу не смогли. Никто не хотел останавливаться, должно быть, слишком чудной у них был вид: один заметно выпивши, другой в домашних штанах и бархатном жилете да еще с котом. И оба в тапочках.

Пешком пошли по проспекту.

Куда? Зачем?

Баранов открыл бутылку и выпил коньяк. Сразу. Весь. Из горлышка: «“Барину” все равно, у него деньги есть, если надо будет, еще возьмет...»

Благоразумный «барин» с любимым котом на руках хотел было уже вернуться домой, все обдумать, постараться понять, как это могло случиться...

И что делать с этой гадкой картиной? Уничтожить? Или сохранить? Для обличения?..

Но решительный Баранов увлек его вперед, вдаль. Куда? Зачем? Вельяминов почему-то пошел за ним. Безропотно, как привязанный...

А перед Крымским мостом с Барановым вдруг что-то случилось, он остановился и стал материться. Просто материться. Безо всякого смысла и содержания. Просто ради процесса.

Пару минут спустя Вельяминов попытался его остановить. Безрезультатно. Пьяный Баранов стоял и произносил в пространство всякие безобразия.

Кот, которого хозяин укрыв на груди под бархатным жилетом, забеспокоился, Вельяминов гладил его, успокаивая, а выпустить на асфальт боялся: вдруг убежит и потеряется. Все-таки довольно далеко от дома... Баранов пошел на мост, Вельяминов за ним.

На мосту Баранов снова остановился и перестал материться, но вместо этого громко запел:

«Союз нерушимый, республик свободных навеки сплотила...»

Что же это!?

Вельяминов хотел ударить его по лицу и не мог: кот, пригретый на груди, мешал, связывал руки.

– Ты что? Ты с ума сошел?

– А что?.. Я ничего... Мне стыдиться нечего.

Баранов, видно, совсем из ума вышел и дальше запел:

«Вставай, проклятьем клейменный

Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный...»
Что делать?

Ничего нельзя было сделать из-за кота на груди. Кот руки связал.

Вельяминов заплакал, развернулся и пошел восвояси. Пьяный Баранов увязался было за ним, что-то бормотал бессвязное, уверял, что он честный труженик и вообще «нормальный пацан», но Вельяминов не слушал его и успел перед самым его носом захлопнуть парадное.

Поднявшись к себе на этаж, он первым делом выкинул в окно сумку коварного гостя, а что делать с похабной картиной, не знал. Оставил пока стоять. В ванной. Лицом к стене. Сам, разумеется, тоже напился с горя. Правда, успел еще позвонить матери.

Когда богатый наследник рассказал все случившееся матери по телефону, она сразу позвонила Олегу. Благодарила. Олег в свою очередь отметил добросовестную и на грани геройства работу Горохова. Действительно ведь рисковал, Действительно случилась «нештатная ситуация»...

12.

Следующее задание по шпионской, разведывательной и детективной службе Горохов решительно провалил.

Некто Барабиров подозревался в терроризме. Семейном. Домашнем и производственном. И Горохова назначили за ним следить. Чтобы не натворил лишнего. А так же выяснить по возможности, какие у бедолаги есть конкретные планы, а главное, средства, связи и возможности для их претворения в жизнь. В свою и в нашу, то есть в общую...

– Понимаешь, это очень забавный тип...

Олег объяснял Горохову предстоящую работу, вводил в курс дела.

Заодно закусывали. На маленьком столике стояла бутылка белого вина.

– Во-первых, он совершенно не ходит на выборы. Ни на какие. Ни на президентские, ни на муниципальные, ни на ... Не знаю, какие еще там бывают...

– Ну и что? Я тоже не хожу... Ни на какие...

– А... Не в том дело... И я не хожу... Но он, этот Барабиров, как бы это сказать... Он очень-очень не ходит... Он совершенный нигилист... И вот, например, из его высказываний: «Я просто удивляюсь, почему у нас происходит так мало терроризма, индивидуального... Это же так просто! А главное, у нас так много людей регулярно доводится до отчаяния...»

Я и сам удивляюсь, почему так мало, подумал Горохов, но вслух сказать не успел.

Олег глотнул вина, поправил оранжевый галстук:

– Мне, признаться, это и самому удивительно... Однако надо работать. Обратилась к нам его жена, в официальные органы она обращаться не хочет, все же не чужой человек... Но переживает. За него. Да, и за семью, наверно. И за себя. Так что придется последить... Беду лучше по возможности предупредить, чем лечить... Или как там...

Чтобы следить за гражданином Барабировым, необходимо было устроиться на работу. То есть поступить на то самое предприятие, где «объект» занимал скромную должность электрика.

– ...Видите, он и с напряжением связан, и с силовыми установками, тоже, если угодно, дополнительный фактор риска... Поработаете там с ним немного на фабрике, кстати, заодно и там будете дополнительно какую-никакую зарплату получать, не

слишком много, но все же... С начальством мы договорились, вас возьмут, хотя никто, кроме вас, конечно, ничего не знает и не должен знать... Так что, оформляйтесь...

Горохов оформился.
Стал ходить на работу. Следить.

Электрик Барабиров оказался личностью замкнутой и малообщительной, что вообще для предприятия, где он работал, было не слишком характерно.

Сотрудники там, может быть, и не больше общались друг с другом, чем где-нибудь в другом месте, но заметнее... Это была одна из фабрик ВОГ. Всесоюзного (хотя теперь, уже, м.б., всероссийского) общества глухих. Так что часть персонала действительно разговаривала между собой так, что вольно или невольно все это видели.

А вообще все люди на фабрике Горохову понравились. И глухие, и слышащие. Все спокойные, умные, приветливые. Симпатичные и незлые.

Может быть, это потому они здесь все такие, что зарплаты не очень высокие?

И Кузьма Антонович Барабиров понравился. Совершенно не нервный, как можно было бы подумать, спокойный, уравновешенный... Чуть старше Горохова, с умным лицом. Ну, взгляд, может быть, немного презрительный... Хотя с глухими, глухонемыми и слабослышащими он, это видно было, дружил. И они к нему, видно было, особенно уважительно относились.

Горохов работал и наблюдал, следил. Ничего подозрительного не замечал.

Когда дверь его мастерской (там же и электрошитовая) была приоткрыта, можно было видеть, как он пил чай, по-простому: при помощи литровой банки и кипятивника.

Чай простой, но хороший – «Лисма». Заваривал крепко. Сахар употреблял кусковой, рафинированный, прессованный.

Но больше – ничего конкретного.

... Но как же у них рано начинается смена...

Еще в сумерках Горохов шел к фабрике. Станция. Переход. Светло-серая башня гостиницы, уютно-вагонные занавесочки на окнах...

Стадион.

На краю стадиона происходило нечто страшное. Хотя на первый взгляд могло показаться забавным.

Среднего роста собака отчаянно гоняла по холодному просторному чуть заснеженному асфальту большую пустую пластиковую бутылку.

Вроде все хорошо: собачка играет...

Увы! Собака не играла. Она, конечно же, пыталась схватить посудину зубами, но раствора челюстей не хватало, бутылка летела далеко вперед, собака неслась за ней, и все повторялось сначала...

Собака сходила с ума и страдала от этого.

В собачьих движениях видна была уже совершенная обреченность.

И сизифовы, и танталовы, и еще неведомо чьи муки – и все в одном озверевшем четвероногом и хвостатом лице...

...Что все это можно было предотвратить, просто отобрав бутылку, Горохов подумал только уже на фабрике, когда проходил проходную.

Работа на глухой фабрике все больше увлекала его. Спокойно, ритмично... Горохов работал на машине, машина формовала корпуса. Горохов складывал их в коробки

и отдавал в другой цех, где работали одни только глухонемые. А они в корпусах собирали электрику... Провода, контакты...

И объект Барабиров был ему чисто по-человечески симпатичен и следить за ним было стыдно...

Лучше уж какие-нибудь монархисты, анархисты, либералисты, трубочисты...

С ними можно было, по крайней мере, честно чувствовать себя на посту... Или даже на боевом дежурстве...

Тем более они вроде не совсем полноценные люди... На них как бы ни человеческое, ни божеское не распространяется... То есть, конечно, распространяется, но как бы не вполне... Они – как бы вне...

Господи... Что я такое думаю! Совсем с ума сошел! Как это «не совсем полноценные»? Как я могу судить... Сам-то я кто... Но вообще, как быть?..

Горохов вконец запутался. И махнул рукой.

А на фабрике глухих работа между тем шла своим чередом.

Немалое место в жизни фабрики (по крайней мере, того цеха, где работал Горохов) занимали почему-то НЛЮ: непознанные летающие объекты.

Почему так? Непонятно. Вроде общая мода на эти чудеса давно прошла, а тут у каждого почти трудящегося на рабочем месте была хоть какая-нибудь (иногда с картинками) книжечка или брошюрка на инопланетную тему.

Коллега Саша (на соседней машине работал) заставил и Горохова одну такую книжечку прочитать. Горохов бранился, зубами скрежетал, но освоил.

Одно откровение растрогало его до глубины души.

Некая десятиклассница с болью душевной поведала, как ее рассказу про пришельцев поверил один только учитель географии (молодой). В самом деле...

Горохов тоже иногда начинал фантазировать:

Полная тарелка пришельцев...

Целая тарелка пришельцев...

Еще б стакан какой-нибудь...

Увлеченный инопланетностью Саша был старше Горохова, крупный, сильный, добрый. Не слышал он совершенно. Но говорил очень хорошо. Вероятно, слух потерял в результате аварии и не очень давно.

После четвертинки он и сплясать мог прямо у станка, а если чуть больше четвертинки, то даже и спеть.

У него и автомобиль был, но домой со смены он чаще добирался на электричке. Вместе с Гороховым.

Иногда по дороге Горохов даже играл с ним в карты.

Вообще-то он давно уже карт терпеть не мог и в руки не брал, но с Сашей играл. В дурака. В подкидного. Очень уж Саша радовался, когда выигрывал... Правда, проиграть ему было трудно...

Книжка про пришельцев долго не шла из головы у Горохова.

«Рассказу старшеклассницы про пришельцев поверил один только молодой учитель...»

Это ж так понятно...

Эх, думал Горохов, будь я молодой учитель, я бы, может быть, тоже поверил...

Или притворился бы, что поверил.

А, притворившись, может быть, и в самом деле поверил бы.

И был бы теперь сам инопланетянином.

В крайнем случае, бывшим.

Или в отставке...

И, как знать... Может быть, мне теперь бы и легче было.

Если гора, говорят, не идет к Магомету, то Магомет, говорят, идет к горе...

...Так, если нам по причине дальности и принципиальной недостаточности технических средств практически невозможно лететь самим к другим планетам, звездам и галактикам, и всяким там цивилизациям, то почему бы им нас не навестить: с нежной, разумеется, вежливостью...

А почему б нет? Влажные сумерки за окном, казалось, вполне допускали такую возможность...

Горохов пару недель работал, следил, понаблюдал. Стыдно, конечно, было, но – какое-то возбуждающее нездоровое любопытство разогрело кровь...

Может быть, это все и решило: Горохову стало окончательно стыдно, и не владея собой от стыда, он прямо пошел к Барабирову, который, кроме того, показался ему чрезвычайно симпатичным, добрым и простым человеком...

– Кузьма Антонович... Разрешите представиться, Василий Горохов. Приставлен за вами следить...

Барабиров посмотрел на него внимательно.

– Плохо...

– Я знаю... Больше не буду...

– Да? Чего больше не будешь?

– Следить.

– А... Да, я не про то... Я про то, что плохо следишь... Ну, не хочешь следить, так хотя б на фабрике сколько-нибудь еще поработай... Душой отдохни... Чувства успокой... Я же с первого дня знал, что тебя ко мне приставили... Смотрел и удивлялся, как плохо ты меня наблюдаешь... Физику хоть немного помнишь?

– Физику?

– Ну, да... Согласно квантовому постулату, всякое наблюдение атомных явлений включает такое взаимодействие со средствами наблюдения, которым нельзя пренебречь... А поскольку это не только на квантовую физику распространяется, то сколько ты меня наблюдал, столько и я тебя... Наблюдал и удивлялся, как плохо ты за мной следишь...

Чтобы частному детективу лучше познакомиться с тем, за кем ему полагалось следить, до метро они пошли вместе.

Пива, конечно, взяли...

– А откуда... Откуда вы... Откуда ты знаешь, что я пришел на фабрику за тобой следить?... Неужели Олег...

– Какой Олег? Это начальника твоего разведуправления Олегом зовут?... Я и понятия не имел... Нет... Все гораздо проще... Просто за мной всегда следят...

13.

Сон Горохова

Горохов уснул неожиданно. Сам не заметил, как уснул в вагоне электрического поезда, уносившего его куда-то на Запад. Уснул, и ему приснилось...

Светлый день и школьный коридор.

Пустой, прозрачный и чистый.

Но мало-помалу он стал наполняться живыми человеческими фигурами.

Сначала женскими.

Ленка (в очках), Светка, Ольга (толстая), другая Ленка, вся гладкая и как бы никакая, Алла...

Как они все были прекрасны!

Но потом всех их как будто смыло.

Вместо них в коридоре стали толпиться какие-то чужие, но почему-то знакомые, мужские фигуры. Взрослые, солидные.

Фигуры мелькали и двигались с достаточной быстротой, но при этом лица их сохраняли важное выражение.

Они даже улыбались вежливо и невыразительно.

Постепенно Горохов стал различать черты.

Один был генерал. И в мундире. И – государственной безопасности!

Другой – милиционер, третий полковник... Прочие больше походили на разного рода бизнесменов, госслужащих, мелких и средних жуликов. И, может быть, не самых мелких...

Стальные, нефтяные, лесные, овощебазные, а особенно финансовые если и не короли, то, по крайней мере, депутаты. Или сенаторы. А если считать по-военному, все не меньше полковников. Были среди них и владельцы ресторанов, и шеф-повары. Мелькнул и бандит-наркоман с вокзала...

Некоторые были страшно бледны. Совсем белые.

– Почему вы, – спросил Горохов, – такие?

– Никакие мы не такие... Такие же, все... Просто мы уже умерли.

Господи, помилуй! Да, кто же они все?

И тут – на то это и сон – у каждого в левой руке оказался маленький школьный пиджачок, а в правой личная черно-белая фотография в первом классе.

Неужели же все это они: те самые ученики младших классов, которых он караулил когда-то в этом самом коридоре...

Неожиданно все они, и живые и мертвые, перестали быть важными и стали насмехаться:

– Вот мы-то в этой жизни чего-то достигли... А ты, Вася... Чего ты достиг?

Васе стало не очень хорошо, он во сне, полубессознательно стал «перевертывать» сон, чтобы снова были женщины, но пришла только тихая и кроткая его любимая законная жена...

– Милая!..

В это время вагон резко и громко затормозил, и по громкой связи прозвучало:

– Наш поезд прибыл на конечную станцию... Город Гагарин.

Вокзал в Гагарине удивлял относительной чистотой, приличностью и обилием космонавтской символики, ракеты, спутники... Но особенно много было скафандров.

Возле касс случился шум.

Пьяный мужик обращался по очереди ко всем, кто там был, просил дать ему на время паспорт, купить билет: теперь без паспорта даже на поезд билета не продавали... Он обещал за это денег, но никто ему паспорта не давал.

Подошел он и к Горохову, и Горохов тоже поостерегся дать ему паспорт.

Возвращаясь из г. Гагарина (Гжатска), Горохов вспомнил нечаянно (кто-то рассказывал, или где-то читал) грустную историю про освоение околоземного пространства и про Гагарина.

Известно, что перед тем, как запустить на орбиту человека, многих животных туда запускали: кошек, мышек, обезьян...

В конце концов остановились на собаках. Эта самая «Лайка», в честь которой сигареты, вроде там и погибла...

И рассказывают, что мужественный и умный Юрий Алексеевич сказал однажды:
– Я и сам не знаю, кто я был на орбите: первый человек или последняя собака...

Вернувшись и выйдя из поезда, Горохов шел по улице и сам себе удивлялся: Да я же, оказывается, безумно люблю эту жизнь...

И со всеми ее пустяками, и со всеми ее сквозняками.

Со всеми глупостями, грязностями и несообразностями...

Вот как, оказывается... А я и не знал...

Удивленный Горохов смотрел то на небо, то под ноги...

Полный какой-то светлой грусти, он неожиданно увидел на асфальте сим-карту от мобильного телефона...

Наверно, телефон у кого-то вытащили, а карту выкинули.

Сам не зная зачем, Горохов поднял ее.

Какое-то хулиганское настроение нашло на него.

А почему бы и нет?

Он вставил карту в свой телефон. Карта не была заблокирована. Деньги, хоть и маленькие, на счету были. Номер Вельяминова остался у него еще с той самой «блестяще проведенной операции».

Он набрал сообщение:

«Марина и Гриша Отрепьевы едут в Москву. Встречайте. Орлов»

И отправил. С чужого номера.

Зачем? Он и сам не знал.

Просто так.

Шутовство гороховое...

14.

Лето только началось, и жизнь, следовательно, была полна надежд, пусть даже и несбыточных.

Ох, уж эти наши надежды! Избыточные и несбыточные.

Лето начиналось трудно.

В конце мая Горохов жил за городом. У Елизаветы Антоновны. Погода была неважная. То и дело шли дожди, притом холодные.

Горохов вспомнил, как в начале весны или даже еще в феврале он смотрел телевизор, и там передали прогноз НАСА, согласно которому в нашей средней полосе летом предполагается страшная жара и засуха. Тогда его это даже как-то обрадовало: в тепле жить легче, а неурожай от засухи нам не очень страшны: все равно все за границей за керосин покупаем – согласно международному разделению труда.

А теперь вот шли дожди, и было так прохладно, что иногда даже печь топили. Летом-то!

Горохов вспомнил, про прогноз НАСА и грустно посмеялся над американскими дураками.

К тому же у Елизаветы Антоновны, от возраста, что ли, стали обнаруживаться не самые красивые черты ее характера. Так что они то и дело ссорились. И дожди, дожди...

Кроме того бедная женщина стала теперь чрезвычайно патриотически партийна: все, что было когда-то, пусть и не очень давно, при советской власти, казалось ей совершенно прекрасным и правильным, а все теперешнее наоборот. Хотя при советской власти ей, как и большинству «нормальных» советских людей, все «советское», мягко говоря, совсем не нравилось...

Типическое ностальгическое выдумывание золотого века – в прошлом. Только очень агрессивное.

Понять это было можно, но терпеть трудно.

И совершенно бесполезно было что-либо объяснять.

Елизавета Антоновна ничего не слушала и пела: «То березка, то рябина...»

Где-то в половине июня Горохов уехал в город, и все вдруг переменялось в природе.

Стало очень жарко.

Даже в арифметическом исчислении. Температура днем не опускалась ниже 30 градусов. Горели леса. Все горело, где были торфяники, горело, и где их не было, тоже горело. Веси и города стояли в дыму. Дым был такой, что даже днем на солнце смотреть было вполне безопасно. Как ночью на луну. Только даже луна на темном небе ярче выглядела, чем это солнце в дыму.

Прогноз вражеского космического агентства сбывался.

Люди страдали и дурели. Многие ходили в намордниках (респираторах) или просто с марлевыми повязками. Наверно, в интернете прочли, что так надо.

В самые жаркие часы население пряталось, будто вымирало. Окна в домах занавешивали мокрыми простынями.

Только к ночи, когда темнело, наблюдалось радостное возбуждение, пиво, вода, смех...

Гибли птицы. Раньше всех голуби. Их тела чаще всех попадались под ногами. За ними синицы. Самыми выносливыми были, кажется, воробьи.

Все эти дни Горохов шатался по городу, по присутственным местам. На предмет восстановления потерянного паспорта. И просто гулял.

Он не слишком страдал от жары, хотя почти все дни проводил на улицах. Только ходил медленно.

И жара, и дым ему даже нравились. С одной стороны, не очень часто случается такое наблюдать, а это на самом деле страшно интересно.

Это вроде того, как младший брат великого писателя Чехова в 1927 году писал кому-то из Ялты, что быть свидетелем землетрясения это то же самое, что выиграть в лотерею 200 000 рублей.

Да, и вообще жара ему не была тягостна: он очень устал от холода этой жизни и не любил его.

Одно он точно знал: когда жара спадет, пожары от дождей погаснут, и дым рассеется, и если он до этого доживет, ему жаль будет со всем этим расстаться.

Так впоследствии и случилось. И дожил, и жаль было расставаться.

У одной доброй знакомой еще зимой умер кто-то из родственников, и Горохову подарили порядочное количество ставших вдруг ненужными новых белых футболок. Он клал их по несколько штук в сумку и так и ходил ними по улицам. Когда одна порядочно загрязнялась, он просто снимал ее, бросал в помойку, надевал другую и шел дальше.

Но главное, в дыму и жаре он чувствовал себя увереннее и безопаснее. Общее стихийное бедствие как будто защищало его. Уравнивало с остальными гражданами. Нормальными и современными. С чадами века сего. Вроде теперь все равны. И Горохов тоже. Жара баюкала, дым укрывал.

А на окраине, на пруду невдалеке от платформы Ракетная отдыхали, пели и делили власть.

Лихому парню Боре из Смоленска, длинного роста и серому от пыли, досталось больше всех. Целая банка (не считая водки).

Все сидели на траве или даже валялись, а он стоял прямо, довольный и счастливый, возвышаясь над всеми.

А Горохову, потому что он после всех пришел, совсем мало досталось, почти ничего.

Бесшабашная Зойка сняла с себя все и побросала на кусты: Пусть сохнет...

– Из шланга два раза обливалась, и в пруд ныряла. Ничего толку... Все равно жарко.

Из-за необыкновенной погоды разговор то и дело принимал апокалипсическое и патриотическое направление.

Бедные люди вообще к этому склонны, а если еще погода...

Обвиняли власти, обвиняли американцев и вообще наше время.

Заодно поминали нехорошими словами технический прогресс, космические ракеты, озоновые дыры и все такое, о чем имели отдаленное представление и на что никак не могли повлиять, но полагали, что кто-то может повлиять и «нарочно так делает».

– Ведь раньше-то никогда такого не было...

– Ну, это, допустим, глупости, – Гриша-интеллигент перевернулся с боку на бок, – все было. И такое было, и хуже... Перед взятием Иваном Третьим Великого Новгорода, например... И в XVI веке тоже... Дым от пожаров такой стоял, что за две сажени друг друга не видели... А от засухи еще и неурожай, и голод... Больше половины населения вымирала... И, между прочим, в первую очередь молодые люди...

Рыжий танкист Валерка нехорошим, хриплым от зноя голосом спросил:

– А ты откуда знаешь? Сам видел? Ты, что ли, жил тогда?

Борька, которому больше всех досталось, сказал примирительно:

– Давно это было... При царе Горохе...

– При царе Горохе? При царе Горохове? – Голая бесстыжая Зойка встала на четвереньки и смеялась. – Слышь, Горохов, это при тебе было?

Горохов подумал и сказал смиренно:

– Может и при мне. Точно не помню. Память совсем плохая стала.

Он с радостным удивлением смотрел на хохочущую Зойку: Вот радость-то. Везет дуре! – Когда она смеялась, видно было, что у нее еще почти все зубы целы.

И губы как вишни. Или как сливы.

15.

И все равно хорошая была та жара. Страшная, но прекрасная...

И Зойка-то, Зойка...

Должно быть, совсем очумела от зноя и гари.

Ушла в этот вечер с Гороховым.

– Хоть ты и Горохов, но царь. Хочу и я хоть раз в жизни немного царицей побыть.

И захохотала:

– Хотя бы гороховой...

Так и стали они вдвоем гулять сквозь жару и дым. Смотрели на солнце: безопасно, как на луну...

Вечерами уезжали купаться и плавать подальше от города и от людей: на карьеры...

Однако все проходит.

И все хорошее тоже.

Редкостная жара с дымом и гарью постояла, постояла, поудивляла, поужасала и стала спадать.

Трудная жизнь стала сворачиваться в так называемое «нормальное русло» (23-25 градусов).

Считали потери от жары.

Убытки, человеческие жертвы (и это было!) и др., и пр.

А с уходом жары и Зойка ушла от Горохова.

Уехала. Домой. В Иваново.

– Ты, – сказала она Горохову, – царь, следовательно, живи один...

16.

Царская ноша

Дни шли за днями, и Горохов как-то забыл удивляться, что он все-таки жив и что жизнь прекрасна.

Дурак...

Сидел в библиотеке и читал в книжке стихи:

Царская ноша

1

Известно, какой ореол.

Страна то в огне, то в дерьме.

Лягухообразный орел

На медно-железном рубле.

Он крылья свои распростер,

Он главы свои не склонил.

Пылает стоглавый костер

Над нежностью мирных могил.

Еще тишина, тишина...

Но алое тлеет сквозь бред.

У нас и весна как война,

И осень – превратность побед.

Сады ли, пруды ли цветут –

Рассвет в азиатской крови.

Все спутано: там или тут...

И хоть бы немного любви...

Но некогда. Трубы трубят.

Прохладно, И перья летят.

И тянется вязкая вязь,

И рвется заветная связь.

2

Было утро белее золы.

Был наш быт безутешен и зол,

И двусвязней двуручной пилы

Был над нами двуглавый орел.

*Мы проснемся ни свет ни заря,
В голове ни вождя, ни царя.*

*Область боли: затылки и лбы.
Место встреч: тупики и углы.
Мы молчим, а над нами гербы.
Мы одни, а над нами орлы.*

*А над ними дыханье ворон,
Налетающих с разных сторон.*

*От ворон никакой обороны,
Потому что орлы без короны.*